

Глава 41. Второй скандалчик в ее жизни. Начало

С детства Шаошан придерживалась концепции «с глаз долой – из сердца вон», и если была возможность, то от тех, кто может доставить ей беспокойство и кого опасно задевать, она всегда держалась в стороне, потому что ведь невозможно всегда побеждать.

Для примера – до своего совершеннолетия она поддерживала отношения со своими родителями и земляками из поселка, но после того, как уехала учиться в далекие края, более не поддерживала с ними связь; например, Лоу Яо стал очевидцем того, как она вытащила дощечки из моста, и она желала, чтобы ее вспышка гнева была способна навсегда отпугнуть его; и еще один пример, увидевший ее промах, то, как она долгое время находилась под мостом, ощупывая его, – господин Лин. Не дай Небо и милость богов, чтобы он смог связать ее действия под мостом с тем происшествием в день банкета в семье Вань, когда этот мост обрушился!

Однако, когда Шаошан стала подсчитывать убитых и раненых из резиденции Чэн, она поняла, что если бы было возможно сократить численность потерь, она бы была согласна даже с тем, чтобы встретиться с Лин Буйи еще несколько раз, к тому же сама вызвалась бы стать его побратимом.

Повреждения в эпоху холодного оружия необязательно были такими же смертоносными как в последующие эпохи, но они были более шокирующими: отбрасывая обычные ранения от ножей и стрел, было очень много тех, у кого был содран большой участок кожи, обрубленные конечности, вплоть до того, что были и такие, чьи кишки были выпотрошены копытами лошадей. Наиболее ужасными были травмы двух охранников от удара меча, у одного полностью был отрезан нос, но в итоге он мог остаться в живых; у другого же с левой стороны от глаза и до нижней челюсти был глубоко проникающий порез до костей черепа, и он уже был на последнем издыхании.

Кроме того, ее сильно беспокоила рана Сан-ши, у которой вскоре от нее поднялась температура. В итоге пятый молодой господин Ли решил помочь и привел из деревни самого лучшего лекаря, который, проверив пульс, немедленно стал готовить в кастрюльке лекарство. Смотря на находившуюся в непрекращающемся бреде Сан-ши и непрерывно снующих вокруг нее и докучливо болтающих пожилых служанок, Шаошан внезапно обнаружила, что ей просто необходимо временно взять на себя обязанности главы семьи Чэн.

Дети способны на капризное поведение, потому что перед ними всемогущие родители, но как только старшие не могут вмешаться, им, естественно, приходится учиться быть взрослыми.

Шаошан немедленно собралась с силами и, прилагая все усилия, взяла на себя функцию главы семьи...

Сначала послали несколько много выдавших замужних женщин, чтобы порасспрашивать о тех служанках, что были похищены бандитами. Потом они направили семейных генералов разыскать брошенные в дороге несколько десятков багажных ящиков: разбойники были заняты

их преследованием и предполагается, что они еще не успели поделить награбленное.

Те, кто не был ранен, ставили снаружи палатки, чтобы заночевать в них, а пострадавших перенесли внутрь комнат, рубили деревья, обжигали уголь для того, чтобы повсеместно зажечь жаровни для обогрева. Служанки были разделены на две группы: одна из них разжигала на земле огонь для котлов для готовки пищи, а другая кипятила воду, чтобы промыть раны, и сжигала траву, чтобы сделать золу для прекращения кровотечений.

Она также достала большой короб с деньгами от батюшки Чэна на карманные расходы, большинство из них раздал врачам, побуждая их быстрее снарядить верховых в родную деревню за готовым лекарством. Ледяной холод, кровопотеря, травмы, независимо от того, ранен или нет – наверное, каждому нужно выпить несколько чашек отвара, чтобы рассеять простуду, остановить кровотечение и снять воспаление.

А затем следует успокоить души.

Шаошан было необходимо пройти с одного места на другое, справиться о здоровье пострадавших, поощрить тех, кто отличился. Перед лицом почти сотни солдат, которые день и ночь вели кровавый бой, она мысленно представляла себя в образе надменного лидера, произносящего перед людьми волнующие речи, и эти слова заставили бы наполниться горячими слезами глаза рядовых солдат и кровь бы забулрилась в их жилах, и сотни их были бы готовы отдать за нее жизнь.

Жаль, что она не способна на такое, она та, кто только грозит, а на самом деле ничего не может сделать, все её навыки сосредоточены в насмешках и сарказме, и как ни посмотри, но это отрицательное направление. Только и оставалось, что снова и снова обещать, что «женам и детям погибших, инвалидов и просто раненых непременно будет дана компенсация» и так далее и тому подобное.

Но у нее есть и другое преимущество, а именно – ее сердце твердо. У семейных генералов и охранников было много дел, они сооружали палатки, убрали трупы, передавали новости, а пожилые служанки присматривали за кухней, и потому ранеными занимались молоденькие служанки. Некоторые из них, младшие по возрасту, лишь видя кровавые раны, плакали от страха, и не взирая на то, как бы громко не кричал на них лекарь, к ним невозможно было найти подход. Проходя мимо, Шаошан увидела это, велела своей телохранительнице подвязать ей рукава платья и без лишних слов приступила к работе.

Основываясь на указаниях врача, она вытаскивала стрелы, когда ее просили вытаскивать, пусть даже кровь брызгала во все стороны; применяла железо для прижигания, когда ее просили об этом, и пусть даже они при прижигании истошно вопили, сотрясая воздух. Таким образом, когда служанки увидят собственную княжну за подобным занятием, то им всем должно быть неловко и стыдно.

После того, как она полдня суежилась, и вплоть до того момента, когда пожилой господин Ли громко не позвал с улицы: «Господин Лин прибыл, просим княжну выйти!», и только тогда Шаошан в поспешно вышла из комнаты, юбка и платье ее были забрызганы кровью, не говоря

уже об окровавленных руках, выглядящих так, словно она только что вышла с места убийства.

В прохладных солнечных лучах кожа Лин Буйи казалась белоснежной, его высокая фигура в наброшенной на плечи черной меховой накидке была подобна зимнему кипарису, он был окружен шестью охранниками с мечами на поясах, стоявших в тишине на площадке перед домом, подобно чистому снегу в лесной чаще – в этом была некая своеобразная глубокая красота, идущая издревле. Шаошан стояла перед ним в растерянности, чувствуя себя уродливой девушкой, которая ради увеличения роста производства торопится умертвить как можно больше свиней.

Весь женский пол, лечащийся в комнате, ожил, девушки прекратили все свои дела, пришли в себя и стали подглядывать из окон. За спиной Шаошан слышались вскрики и ясно различимые шепотки: «Вырос таким красивым!», «Это какой-то генерал...», «Он похож на бессмертного небожителя на рисунках...».

Шаошан подавила через силу смущение, притворившись, что ничего не слышала, она вышла вперед, сложив руки, поприветствовала его малым поклоном и очень почтительно заговорила:

– Не зная, что господин уже завершил преследование недобитого врага, эта девочка опоздала с почтением, – отдав дань правилам приличия, она подняла голову и сказала: – Если бы господин Лин не пришел бы на помощь, я не знаю, в какой бы мы оказались ситуации сейчас. Словами не выразить признательность за то, что вы сделали – никто из семьи Чэн не сможет в будущем послушаться приказаний господина Лина! – пусть пустая банальность произнесена прежде, но максимально размывайте детали, не следует давать предлог зацепиться за слова.

Лин Буйи, дослушав до «словами не выразить признательность за то, что вы сделали», слегка улыбнулся:

– Княжна слишком учтива.

Шаошан, решив казаться более взрослой, не хотела препираться словно ребенок, отстаивая свое мнение, кроме того, ещё было что спросить, и в этот момент ей совершенно не следовало капризничать, ее тон стал еще более уважителен:

– Влияние этой девочки скромное, чем-то прочим она не сможет быть полезна, однако она видела, что подчиненные господина Лина также пострадали. Пожалуй, господина может это задержать, но ничего не мешает пострадавшим командирам и рядовым солдатам остаться у нас, семья Чэн обязательно тщательно позаботится о них. Я как раз приготовила две пустые комнаты, где уже есть жаровня, горячая вода, лекарственные средства и рабочие руки, для раненых солдат и командиров, – говоря это, она подняла руку и указала на две комнаты позади себя слева. Это был самый продуманный способ отплатить и выразить свою благодарность.

Пожилой господин Ли энергично закивал и сказал:

– Княжна внесла хорошее предложение, как думаете, господин Лин?..

Лин Буйи еще даже не успел открыть рот, а находившийся рядом с ним молодой телохранитель с квадратной челюстью, вмешавшись в разговор, сказал:

-Молодой господин, нельзя больше откладывать, лучше пройти в дом и полечиться... – он не успел закончить фразу, как другой, но старший по виду, телохранитель, также высказался: – Молодой господин, пусть Лян Цюфэй и высказал бестактность, но его слова верны, лечение нельзя откладывать бесконечно.

Только тогда Шаошан заметила, что у пожилого телохранителя в левой руке застряло древко стрелы, пожалуй, наконечник проник до кости, и потому сразу стрелу нельзя было вытащить. Она поспешно и горячо сказала:

-Травма этого воина нелегкая, нужно немедленно заняться лечением.

Лицо пожилого телохранителя выглядело нерешительным, но, услышав сказанное Шаошан, он в растерянности уставился на нее. Лин Буйи задумался на минутку и наконец-то кивнул головой, соглашаясь, а после, поднявшись, направился к тем комнатам.

Шаошан растерялась, неужели он не доверял семье Чэн заботу о раненых? Ему нужно было самому все осмотреть? Она повернулась и с заискивающей улыбкой сказала:

-Господину не нужно беспокоиться, семья Чэн будет хорошо ухаживать и за командирами и за рядовыми солдатами!

Юноша по имени Лян Цюфэй встревожился:

-Ты!..

Не говоря ни слова, Лин Буйи левой рукой откинул шерстяной плащ, и все увидели, что под черным наплечником, выполненным в виде головы льва с зубами тигра на черной парче, вышитой золотом, обнаружилось древко сломанной стрелы, вокруг которой было застывшее кровавое пятно.

Шаошан подавилась.

Рядом пятый молодой господин Ли, отвечая требованию момента, крикнул, вскочив на ноги:

-Ох! Господин Лин получил ранение! Как же давно вас ранили? Поторопитесь, идите быстрее и пригласите, пусть сюда придет тот пожилой лекарь – он в моей деревне превосходит остальных в лечении ранений!

Шаошан не издала ни звука, а подняла руку, приглашая его пройти, – хорошо, ты тоже считаешься сильно раненным.

Лин Буйи на мгновение остановился, он посмотрел в ее сторону – рукава платья девушки были подобраны петлей очень высоко, подняв руку, она обнажила бело-розовое предплечье, ширина

ее запястья была всего пара цуней, а кожа выглядела чрезвычайно мягкой и прекрасной – это было очаровательно.

Его мысли изменили направление, и он быстро вошел в дом.

Лин Буйи, отец и сын семьи Ли вошли в дом, а Шаошан все еще топталась на улице, думая, что она все же хочет узнать местонахождение свиных копытцев Чэн Чжи, поэтому ей, набравшись смелости, следует войти внутрь.

Две телохранительницы рядом с ней наконец-то не выдержали, и одна из них сказала:

– Княжна, вам все же стоит помыться прежде, чем войти туда, – другая немедленно принесла горячей воды и шарики мыльного дерева.

Шаошан мрачно вздохнула про себя, она была так занята, что ее мозг оцепенел от дел, горько усмехнувшись, она отправилась мыть руки.

В пустом доме было тепло и сухо, все люди скинули плащи и верхние куртки, другой стражник со шрамом на лице провел нескольких солдат внутрь, чтобы немного его осмотреть, и поставил четыре походных стула. Лин Буйи сел на самый высокий, отец и сын семьи Ли – на два левых, а тот, что справа, очевидно, предназначался для временного главы семьи Чэн – Шаошан.

Когда Шаошан вошла туда, то увидела пожилого лекаря и охранника со шрамами на лице, стоящего позади Лин Буйи, с особой осторожностью снимающих с него меховой плащ и наплечник, а потом и нагрудник с халатом, позже нижнее платье с нижним бельем, обнажив белоснежное плечо...

Шаошан немного смутилась, ей очень хотелось повернуться и уйти, кто знает, но почему-то и телохранительницы из ее окружения, и отец и сын из семьи Ли совсем не воспринимают это как что-то неподобающее, она только что лечила раны в комнате и видела голые руки и ноги не двадцати, так восемнадцати человек точно.

Раз уж все не возражают, что ей возражать, она видела уже это все в самом деле.

Отец и сын из семьи Ли уже встали со своих мест и, приблизившись к Лин Буйи, стали осматривать его ранение, Шаошан, не притворяясь и не церемонясь, прошла за спину пожилого господина Ли и вытянула шею, чтобы посмотреть. Когда лекарь снял холщовый бинт, закрывающий рану, все затаили дыхание.

Ржавый толстый наконечник стрелы ужасно выделялся в двух дюймах слева от задней лопатки, а вокруг раны у стрелы образовалось кольцо черно-красного цвета, было отчетливо видно, что ему уже много времени.

И как голос за кадром пятый молодой господин Ли вскричал:

-Ах, как давно получил ранение господин Лин?! Почему вы не вылечили его сразу?! Чем дольше мы тянем, тем хуже становится!

Тот, кого называли Лян Цюфэй, молодой охранник, ранее удачно добившейся своей цели, сказал с возмущением:

-Чтобы уничтожить бандитов, мы уже несколько дней и несколько ночей не вставали на отдых, не имели свободного времени, чтобы лечить ранения! Собственно говоря, сегодня мы могли хотя бы немного отдохнуть. Откуда же нам было знать, что на полдороге мы наткнемся на тебя, рыдающего в голос, умоляющего нашего молодого господина отправиться спасти твоего отца. Разве это не стало нашей очередной битвой?!

Охранник со шрамами на лице тяжело вздохнул:

-А-Фэй, не нужно грубить.

Поняв смысл высказанных слов, уши Шаошан слегка дернулись, и она потихоньку, на несколько цуней, зашла за спину пожилого господина Ли. Откуда же она знала, что, услышав разговор, пожилой господин Ли, импульсивно сделал несколько шагов вперед, полностью открыв стоящую позади себя девушку.

Пожилой человек с возбужденным видом, поклонился и громко сказал:

-Господин Лин - очень праведный! Этот старик просит прощения! Чтобы бы господин в будущем не поручил, наша деревня не смеетслушаться!

Это похоже на то, что только что сказала Шаошан, однако пожилой господин Ли - глава семьи, старейшина рода, и до сих пор деревенский старейшина, его слова, сказанные громко, несомненно заслуживают большего доверия, чем слова Шаошан.

А потому Шаошан склонила низко голову, упоая, чтобы все присутствующие не обращали на нее внимания.

Лин Буйи бросил взгляд на старающуюся казаться незаметной девушку, с улыбкой сказал:

-Отцу не нужно говорить подобное. Если говорить о большой праведности, так это отец высокоправедный, ради данного обещания вместе с женщинами и детьми рода Чэн попал в опасное положение.

Шаошан ранее была недовольна, а потом почувствовала, что его слова кажутся как будто... правильными. Пожилому господину Ли удалось послать в обход за помощью, и, естественно, он мог бы сбежать сам, но старик продолжал настаивать на том, что он не уйдет.

Она уже была признательна пожилому господину Ли за его благородство, но не соглашалась безропотно смириться с тем, что стала обузой, мямля сказала:

-Тот... дядя сказал, что пожилой господин Ли является членом нашей семьи, доброта будет потихоньку возвращаться дядей, две семьи будут связаны долгие-долгие годы...

Эти слова были очень уместными, и пожилой господин Ли звонко рассмеялся:

-Княжна правильно сказала! Две семьи очень близки, поэтому о доброте не надо говорить!

Шаошан опустила голову и похвалила себя за сообразительность.

Лин Буйи мельком взглянул на нее и холодно сказал:

-Вытащи стрелу.

Как только эти слова прозвучали, отец и сын семьи Ли, а также Шаошан немедленно затаили дыхание и нагнулись, чтобы посмотреть. Кто бы знал, что лоб лекаря покроется испариной – он так и не смог вытащить сломанную стрелу.

Оказалось, что Лин Буйи попал в чрезвычайную ситуацию, когда в него попала стрела. Чтобы не нарушать боевой дух армии, он сам отломал хвост стрелы, оставив только древко в длину ширины своей ладони, он прикрыл ее боевыми доспехами и плащом, намереваясь позже вытащить стрелу и залечить свою рану.

Но он не знал, что стрела, пробившая плечо, вышла из тела всего на цунь, и древко стрелы застряло в плоти. При выдергивании применять силу было некуда. Кроме того, ранение уже было довольно продолжительным, древко стрелы и плоть практически слиплись, и доктор не смог ее вытащить.

-Почему бы не использовать щипцы? – сказал пятый молодой господин Ли.

Лекарь вздохнул и поднял руку, в которой были сломанные маленькие щипцы. Такой сельский врач как он мог удалить самое большее из несчастного пострадавшего несколько гвоздей, но зажать и вытянуть такую мощную железную стрелу не мог.

Далее оставалось лишь два способа.

Либо, поторопившись, вернуться в военный лагерь, чтобы найти военного врача и пару огромных железных щипцов с длинными ручками, специально предназначенными для стрел, либо яд лечить ядом, иначе говоря, использовать другое древко стрелы, чтобы вытолкнуть сломанную стрелу. Но первое бы отняло слишком много времени, будь то немедленное возвращение в военный лагерь или быстрый вызов военного врача; во втором Лин Буйи пришлось пострадать дважды.

Лин Буйи немедленно без раздумья сказал:

-А-Фэй, дай стрелу старшему брату.

Лян Цюфэй вытащил из-за спины стрелу с оперением и трясущимися руками передал ее стоящему рядом охраннику со шрамами на лице:

-Молодой господин, пожалуйста, потерпите немного!

Лин Буйи проигнорировал его и посмотрел в сторону. Девушка в окровавленной льняной одежде стояла на том же месте безучастно, ее правая рука поддерживала левый локоть, а левая ладонь поддерживала ее маленький белый подбородок, такой же, как у ребенка. Он наклонил свою голову и закусил губу, гадая, о чем она думает.

Он слишком долго смотрел на девушку, и отец и сын семьи Ли, а также все охранники замолчали. Только тогда Шаошан поняла, что все смотрят на нее, и улыбнулась:

-У этой девочки есть один выход, только не знаю осуществим ли он.

Сказав это, она сняла с шее спрятанную под одеждой нитку с раковинами каури.

Несколько десятков штук раковин каури были нанизаны на прочную нитку, они слабо колыхались, переливаясь всеми цветами радуги, каждая раковина каури была обточена в различной форме: круга, овала, кистей цветов, еще имелись в форме клевера. Это все колыхалось, позванивало и переливалось.

Шаошан достала кинжал, перерезала нитку, осторожно высыпала ракушки каури в свой атласный мешочек и, держа в руках только веревочку, подошла к Лин Буйи. Только тогда все заметили, что эта тонкая веревочка состояла из нескольких сплетенных вместе ниток.

Посторонние все еще были в замешательстве, однако Лин Буйи уже понял ее намерения и сказал, смеясь:

-Эта нить такая прочная?

Шаошан торопливо сказала:

-Я собственноручно сплела ее, и она очень прочная!

В тот день шел сильный дождь, и на улице было сыро и холодно, они с Вань Цици спрятались в галерее и скучали от безделья. Там же они обнаружили на дне ящика, стоявшего на полке, очень много разноцветных с разнообразными узорами нитей: из натурального шелка, из рудного золота, вплоть до того, что даже нашли железную проволоку. Она научила Вань Цици плести браслеты на запястье, с фигурными петлями, а оставшиеся нити сразу же сплела в длинное ожерелье, чтобы нанизать на нее раковины каури.

Она ясно помнила, что три гибкие ярко-красные парчовые нити, три черные железные нити и одна блестящая золотая нить могли поднять даже тяжеловесный топчан, стол и держать их на весу.

Шаошан встала позади Лин Буйи и своими тонкими пальчиками осторожно вставила в открытую рану петлю нити, и зацепила ею ржавый наконечник стрелы. Она не осмеливалась применить силу, она только чуть вставила ее в рану. Поскольку они стояли так близко, то до нее донесся тяжелый запах крови и ржавчины, что неизбежно расширяло ее зрачки.

Тело Лин Буйи высокое и вытянутое, кости стройные и крепкие, плечи широкие, как крылья орла, но талия тонкая и сильная, спина прямая, а мышцы ровные. Он не очень плотный, но Шаошан знает, что его физическая сила поразительна: хотя у него и были руки мужчины-модели, он только что рассек лидера бандитов пополам.

Рассматривая какое-то время, Шаошан с запозданием обнаружила, что ее лицо вспыхнуло жаром, и сразу же торопливо подняла голову. Разве можно сравнивать двухмерное изображение с живым трехмерным?..

Лин Буйи почувствовал, как у него зачесался затылок от ее дыхания, и, внезапно повернув голову, спросил:

-Эти раковины каури подарил тебе любимый человек? – он выглядел добрым и дружелюбным, как будто расспрашивал молодую барышню из семьи друга.

Кто же знал, что, вздохнув, Шаошан произнесет:

-Хорошо бы.

Лин Буйи на мгновение посмотрел на нее, затем повернулся и хмыкнул.

Раковины каури были собраны Вань Цици на улице, две девушки отполировали их до различных интересных форм, а затем нанизали на нить, сделав ожерелье, по одному для каждой из них. Если думать об этом сейчас, то если бы Вань Цици была мужчиной, она бы обязательно вышла за нее замуж. Не позволяя себе говорить, что они были бы счастливы в браке, но было бы достаточно, чтобы быть парой волков, тигров и леопардов, это было бы прекрасно!

-Зацепился хорошо... – вздохнула с облегчением Шаошан, она ощутила, что закрепила ее очень крепко, и все пройдет хорошо, и с помощью нити можно вытащить наконечник сломанной стрелы.

Лян Цюфэй не удержался и спросил:

-А что, если наконечник стрелы оторвется от древка и выйдет только он?

Откуда же ему было знать, что все окружающие весело рассмеются? Лян Цюфэй подумал, что, если бы не было наконечника стрелы, он мог бы просто вытащить древко стрелы спереди, и покраснел до ушей.

Шаошан также веселилась со всеми, но внезапно ощутила холод в правой руке, увидела, как Лин Буйи взял ее ладонь, и обмотал ее белоснежным парчовым платом. Лян Цюфэй хотел сделать шаг вперед, чтобы вытащить стрелу, но его схватил охранник позади него.

Лин Буйи посмотрел на девушку и сказал, улыбаясь:

-Будь осторожна, не повреди руку.

Шаошан растерялась, а затем деревянно покивала головой. На самом деле она хотела сказать, что не собиралась сама вытаскивать стрелу, она была техником и не занималась физическим трудом. Вот только увидев, как господа из рода Ли с изумлением до сих пор смотрят на нее, Шаошан подумала, что другие люди вряд ли могут ясно понять смысл сказанного ею, и ей как порядочному человеку только и остается, что довести дело до конца.

Она несколько раз обернула веревочку вокруг своей правой ладони, завернутой в парчовый платок, положила левую руку на белое и твердое плечо мужчины, задержала дыхание, а затем потянула изо всех сил, почти израсходовав все свои силы. С вязким звуком сломанная стрела, окрашенная в красный и черный цвета, была наконец вырвана, и только после этого сильные мышцы на спине мужчины стремительно сократились, запекшаяся рана снова лопнула, и тонкая струйка крови потекла по его светлому и стройному телу... Она медленно стекала по позвоночнику.

Шаошан опешила от объема кровотечения и ахнула.

Лин Буйи повернул голову назад, смотря на девушку:

-Болит рука?

Шаошан торопливо отрицательно покачала головой:

-Моя рука не болит, но тебе же больно? – твоя рана на спине превратилась в кровавую дыру!

Лин Буйи улыбнулся, зимний снег растаял бы от этой улыбки, а его красота могла разрушать города:

-У меня тоже не болит.

Они оба были так близко, что Шаошан была поражена его красотой, а затем поняла, что его глаза были яркими, насыщенно-коричневыми, как прекрасный янтарь, помещенный в хрусталь.

Она подумала про себя, что всегда была слишком сурова к миру. На самом деле в мире было много хороших людей, и люди приходили спасать жизни других, даже если сами были ранены. Ей не следует всегда думать о людях плохо.

В следующий раз, когда она увидит Юань Шэня и Лоу Яо, ей следует быть более вежливой. Видя с какой теплотой, она относилась к господину Лину, окружающие почувствовали, как сразу же образовалась мирная атмосфера. Скитаясь по белу свету, совершать благие деяния, зарабатывая хорошую карму для себя и семьи Чэн – все будет на пользу!

Увидев, что сломанную стрелу вытащили, пожилой лекарь, стоявший сзади уже собирался выйти вперед, чтобы обработать ее, но кто бы мог подумать, что правая рука Линг Буйи, лежавшая на его колене, слегка приподнялась и покачнулась, а затем лекаря зажали два охранника слева и справа, не позволяя двигаться дальше.

Вся охрана, включая бойкого Лян Цюфэя, ожидала в тишине.

На самом деле эти несколько фраз диалога между Лин Буйи и дочерью семьи Чэн были очень простыми и обычными, но почему-то пятому молодому господину Ли показалось, что атмосфера в комнате была немного странной, как будто она несла в себе странную мягкость и очарование.

Он повернулся и посмотрел на отца, говоря глазами: Отец, ты чувствуешь или нет?.. Как будто...

Пожилой господин Ли: Закрой свой рот и притворись, что ничего не видел!

Почтенный старец не придавал большого значения происходящему. Мужчина не женат, да женщина не замужем, но в комнате так много людей, чего бояться, даже если они все глаза проглядывают друг на друга. Более того – пожилой господин Ли, посмотрел на мужчину на главном месте и на женщину рядом.

Добрые чувства Лин Буйи тонули как в море, он не мог ничего сказать с какой-либо уверенностью; однако девочка из семьи Чэн... в сердце пожилой господин возрадовался, ведь либо он вообще ничего не понимал, либо все понял неправильно.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/3431812>